

ГЕОРГИЙ НИССКИЙ

*Текст Сергея Борисова и Дмитрия Серпухина .
Опубликовано в Yacht Russia №7-8 (129), 2020 г.*

Кто не знает дядю Жору? Дядю Жору знают все!

По крайней мере, так было в 1940-е и последующие два десятилетия на берегах Клязьминского водохранилища. И во всех яхт-клубах – «Спартаке», «Буревестнике», «Труде», «Воднике»...

Георгий Григорьевич Нисский. (8(21) января 1903г. – 18 июня 1987г.)
Советский живописец. Народный художник РСФСР (1965г.). Лауреат Сталинской премии (1951г).
Действительный член Академии Художеств СССР.

Он приезжал либо на своей машине – сначала «Москвиче», а потом и «Волге», либо подходил к причалу на яхте. С ним уважительно здоровались серьезные спортсмены, знавшие его как чемпиона Москвы и победителя легендарной Поволжской регаты 1944 года. Ребяшня же, которой всегда было много в яхт-клубах, слеталась к нему по другой причине: их больше интересовал не этот солидный мужчина с лицом героя рассказов Джека Лондона, в кожаной куртке, в капитанке с «крабом», а его неизменная спутница, лохматая собачонка по кличке Редька. «Дядя Жора, – кричали мальчишки, – можно мы с ней поиграем?» И дядя Жора величественно взмахивал рукой, позволяя.

И мало кто из пацанов, да и не все взрослые знали, что перед ними знаменитый художник Георгий Григорьевич Нисский.

Он родился в 1903 году на узловой станции Новобелицы недалеко от Гомеля. Сын станционного фельдшера, он с детства любил рисовать. По утрам, надев фуражку со скрещенными лавровыми ветками, он отправлялся в гимназию... и не доходил до нее, прячась на чердаке, где у него была «художественная мастерская» со всем необходимым: бумага, холсты, кисти и купленные на сэкономленные от завтраков деньги краски фирмы «Гюнтер и Вагнер». А рисовал он то, что его окружало и восхищало: паровозы, семафоры и рвущиеся в небеса сосны.

Одаренного паренька заметил местный живописец Зорин, который привел Жору в студию изобразительных искусств. Уже оттуда 18-летний Георгий Нисский отправился покорять Москву, для чего требовалось сначала одолеть подготовительные курсы при ВХУТЕМАСе – Высших художественно-технических мастерских, там рождалось новое советское искусство.

После окончания курсов Георгий перешел на отделение живописи, где одним из его преподавателей стал популярный среди «нисровергателей старого мира» Роберт Фальк, друзьями члены группы «ОСТ» – «Общества станковистов», единомышленником – Александр Дейнека, провозглашавший главными достоинствами живописи лаконичность и простоту, не отменяющих глубину и лиризм. Георгий Нисский с таким подходом был полностью согласен.

В 1928 году, в ходе подготовки к дипломной работе, Георгий отправился на Черное море. Оно его поразило. Ну что у него было в прошлом? Тихая речка Сож рядом с домом и ленивая Москва-река, оживавшая только в дни редких водных праздников. А тут – море! Корабли! Паруса! Вот бы самому встать к рулю!..

Из той поездки он привез кучу эскизов, а его дипломной работой стала картина «Интернационал на «Жиль-Барт»». Восстание французских моряков в Одессе, ныне находящаяся в Государственной Третьяковской галерее.

Мечтал ли он о том, чтобы стать маринистом? Пожалуй, нет. Но море навсегда вошло в его жизнь и еще много раз появлялось на его полотнах. А в дальнейшем морская тема нашла отражение и в книжной графике – иллюстрациях к книгам Алексея Новикова-Прибоя «Цусима» и Леонида Соболева «Морская душа», произведениям Джека Лондона, Константина Станюковича

Он по-прежнему был влюблен в паровозы, его завораживали убегающие вдаль рельсы. Любви своей он не скрывал, а другие ее замечали: всемирно известный французский художник Альбер Марке очень хвалил картину «Осень. Семафоры». Правда, нашлись те, кто шутили по этому поводу: мол, у Марке вкус «нисский», но Георгий на завистников внимания старался не обращать.

В 1936 году вместе со своими друзьями А.А. Дейнекой, Г.Г. Ряжским и Ф.С. Богородским он опять поехал на Черноморское побережье, где при посещении Севастополя и Балаклавы ему посчастливилось полетать на аэроплане, ходить на военных катерах, даже на подводной лодке – и под парусом!

Вот когда он решил: когда под Москвой, как обещают, появятся водохранилища, уж он своего не упустит!.. А картина под названием «Встреча», написанная под впечатлением от второй поездки на море, получилась очень светлой, полной молодости и жизни, она принесла художнику бронзовую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1937 году.

Во время войны Георгий Нисский оставался в Москве. Работал в «Окнах ТАСС», создавал «оборонные плакаты». В 1942 году вместе с Александром Дейнекой ездил в действующую армию, в район Юхнова. И не только...

Еще в предвоенные годы он сдержал данное себе обещание – стал членом ЦВМК – Центрального водно-моторного клуба им. Баранова, а если точнее – его парусной секции, которая была организована после заполнения водой Клязьминского водохранилища.

В прошлом Георгий увлекался волейболом, акробатикой, вообще любил спорт, поэтому к тренировкам ему было не привыкать, желания и старания тоже хватало, так что экзамены на звание

яхтенного рулевого он сдал без труда. Много раз Нисский участвовал и в регатах, а в 1944 году был приглашен в сборную Москвы.

Сборная г.Москвы, 1945г..Г.Нисский в первом ряду второй слева.

Это была уникальная сборная, созданию которой предшествовало решение партии и правительства о проведении Пятой Поволжской регаты. Сам факт ее проведения должен был стать впечатляющим символом – обещанием победы и мира.

В этих соревнованиях экипаж московского «Ветра» в классе швертботов Р-30, стал победителем, художник Георгий Нисский был в той команде матросом.

И в том же году на яхте «Форель» (тогда спортивные яхты имели не только номер, но и имя собственное), но уже в качестве капитана, он стал чемпионом Москвы.

С тех пор Георгия Нисского в кругу яхтсменов, где чиновничество не в моде, называть стали Жорой. И это не было фамильярность, в этом было истинное уважение. Это позже молодежь не могла не присоединить к его имени почтительное «дядя»...

В первый послевоенный год лучшие гонщики были членами клуба ЦВМК, состязаться с ними было просто нереально, потому что и лучшие лодки были у «барановцев». В конце концов «наверху» такое положение сочли нетерпимым, и было решено на неопределенное время лишить ЦВМК права на участия в соревнованиях. Понятно, что мастера тут же разбежались по другим клубам, отчего гонки стали интереснее, вот только их лодки остались на балансе ЦВМК и без надлежащего призора быстро пришли в негодность. Вскоре на воде из всего «барановского» флота оставались лишь трофейные яхты (УР, № 77/2015). Эти «крейсера» были привезены из Германии, многие из них оказались на Клязьминском водохранилище, где их доверили самым уважаемым яхтсменом. Один из этих крейсерских швертботов достался Георгию Нисскому, тем более что уж очень страстным гонщиком он не был, скорее все же созерцателем.

Парусная секция ЦВМК им. Баранова. Г.Нисский крайний слева.

Яхта получила название «Нерпа». Художник-яхтсмен проводил на ее борту много времени и говорил так: «Яхта – мой дом и моя мастерская». Об одной из его картин то поры – «Парусный спорт. Пестово» (1954) так писал искусствовед Игорь Долгополов: «Солнце и ветер - вот герои этого пейзажа. Вернее, ветер, один ветер хозяйничает в Пестове. Он гонит острокрылые яхты, раздвигает завесы облаков, которые бросают на встревоженную ветром воду диковинные тени. Все в движении, упругом, мускулистом. Трудно поверить, что полотно написано пятидесятилетним художником, настолько оно переполнено юностью, порывом».

Обычно Нисский неспешно перемещался от причала одного яхт-клуба к другому. Особенно он любил «заплывать» в гости к Дмитрию Ленидовичу Зворыкину, известному как Митяй, с которым подружился еще на Поволжской регате. Среди его друзей были Тимир Пинегин, Николай Григорьев, Ростислав Шапошников, Борис Борисович Лобач-Жученко... Порой Нисский снисходил и до разговора Артуром Эйзенем, который прославился тем, что, стоя на палубе идущей в хорошей ветер яхты, от избытка чувств пел, это позже Артур Эйзен станет солистом Большого театра...

Порой же Нисский начинал показывать фокусы, в чем ему помогала собачка Редька. Впрочем, фокус был только один... Он заключался в том, что Жора предлагал спор, что Редька провисит на ветке дерева, держась за нее зубами, например, час. При этом разрешалось воздействовать на Редьку, чтобы она отцепилась, но без приложения рук и предметов. По команде или с помощью Жоры Редька цеплялась за ветку. Что с ней только ни делали: и звали, и гнали, и дразнили колбасой – ничто не

помогало. Только по команде Жоры она отпускала ветку. Когда у Редьки появилась дочка Чука, аттракцион был усложнен: Редька цеплялась за ветку, а Чука за мамкин хвост... Обычно спорили на бутылку, которая потом совместно и распивалась. Да, увы, дядя Жора позволял себе.

В 1951 году за картины «У берегов Дальнего Востока», «Пейзаж с маяком», «Порт Одесса» Георгий Нисский был награжден Сталинской премией.

* * *

Все изменилось в конце 1959 года. Потому что изменился сам Георгий Григорьевич...

Нисский жил в доме, известном как «Городок художников», это на Верхней Масловке, и был дружен с художником Кокорекиным. Декабрьским утром Нисский возился с мотором своей машины, когда из подъезда вышел Кокорекин, накануне вернувшийся из творческой командировки в Индию. Обычно они обнимались, хлопали друг друга по плечам, но у Нисского руки были в масле, и потому они обошлись без объятий, договорившись встретиться вечером. Днем Кокорекина увезли в больницу, откуда он уже не вышел, скончавшись от черной оспы. После этого Нисский несколько недель был сам не свой, ведь от неминуемой смерти его спасла почти невероятная случайность.

Потребовалось несколько месяцев на то, чтобы прийти в себя. Но в яхт-клубах с тех пор Нисский стал появляться все реже, а потом перестал бывать вовсе. Любимая прежде «Нерпа» получила другого капитана – Ивана Георгиевича Золкина из «Буревестника».

Георгий Григорьевич очень много работал. Его картины стали более стилизованы, изысканны по колористике, в них появилось что-то всеохватное, космическое. Именно в этот период, как считается, Георгий Нисский создал свои лучшие полотна.

Потом он стал работать меньше. Много и тяжело болел. Семьи у него не было, за ним присматривала приходящая медсестра. Потом он совсем перестал писать...

Георгий Григорьевич Нисский – советский живописец, график, действительный член Академии художеств СССР, народный художник РСФСР, заслуженный деятель искусств РСФСР – скончался 18 июня 1987 года в доме престарелых. Похоронен в Москве на Кунцевском кладбище.

Его картины представлены в десятках музеев, много их и в частных коллекциях. Крупнейшая выставка «Нисский. Горизонт» с успехом прошла в Институте русского реалистического искусства в 2018 году. Сегодня имя Георгия Нисского в списке 100 самых дорогих русских художников. Его картина «Над снегами» в 2014 году на аукционе Sotheby's была продана почти за 3 000 000 долларов и считается самым дорогим произведением живописи советского реализма.

А еще он был яхтсменом. Дядей Жорой...

Друг и соратник

Одним из близких друзей Георгия Нисского был художник Илья Кац. Хотя они были разительно непохожи как характерами, так и в живописи: Нисский считался одним из основоположников строгого стиля в искусстве, тогда как Илья Кац работал в манере, близкой французским импрессионистам. Их сдружили яхты... После войны, которую командир взвода Илья Кац прошел от первого до последнего дня, он приехал в Москву, где Нисский взял его под свою крыло. Вдвоем с Кацем они часто ходили на яхтах по Клязьминскому водохранилищу, а летом 1953 года два художника отправились в большое – более 2 тысяч километров – плавание по Волге. В результате этого путешествия появилась целая серия лирических пейзажей... Вернее, две серии, очень разных по творческой манере, но единых в любви к тихой водной глади, яхтам и парусам.

(из рассказа «Митяй» Владимира Воробьева)

Парусом болело много заслуженных людей. Среди них был и известный художник Георгий Нисский, с которым очень дружил и Зворыкин. Это был крупный мужчина с выразительным мужественным лицом американского киногероя старшего возраста.

В гавани он всегда был в кожаной куртке, кажется даже на меху, и форменной фуражке с яхтменским крабом.

Хотя Нисский был уже лауреатом Сталинской премии, в гавани все, включая мальчишек, звали его просто Жора.

Несколько известных картин Нисского так и были посвящены яхтам.

Любимыми сюжетами Нисского были еще железные дороги и дороги, уходящие вдаль прямо от зрителя.

У Нисского тогда была интересная собачонка по кличке Редька, не знаю, какой породы, небольшая, лохматая и очень сообразительная. Она была похожа на Белого Бима Черное ухо с «прической» «Я тебя вижу, ты меня – нет», рябого грязно-белого цвета, точь-в-точь только что выдернутая из земли редька.

Георгий Григорьевич Нисский со своей неизменной спутницей – собакой «Редька».

Дружелюбная и любопытная, она, однако, слушалась только Жору. Они с ним вытворяли разные фокусы к радости ребятишек, которые собирались в гавани.

С помощью одного трюка Жора выиграл бесчисленное количество бутылок. Он заключался в том, что Жора предлагал спор, что Редька провисит на ветке дерева, держась за нее зубами, заданное время, например, час. При этом разрешалось всячески воздействовать на Редьку, чтобы она отцепилась, но без приложения рук и предметов.

По команде или с помощью Жоры Редька цеплялась за ветку и начинала висеть. Что с ней только ни делали: и звали, и гнали, и дразнили колбасой – ничто не помогало.

В исключительных случаях она только, не разжимая зубов, рычала на раздражителя. И только по команде Жоры отпускала ветку. Этот аттракцион очень нравился детям. Потом у Редьки появилась дочка Чука, ровного буро-коричневого цвета. И аттракцион был усложнен: Редька цеплялась за ветку, а Чука за редькин хвост.

Вход в метро с собаками, не то, что сейчас, был строго запрещен. Но Жора на метро с Редькой ездил. У него был небольшой чемоданчик с дырочками для воздуха. Жора клал его на землю и говорил: «Редечка, мы едем на метро». И она там тут же уютно устраивалась.

Позже с Нисским произошла история, которая повлияла на него так сильно, что у него полностью изменился его творческий стиль. Где-то в 60-х годах художник Кокарекин привез из Индии в Москву чуму. Заболеваний было немного, но шум был большой. Кокарекин жил в одном доме с Нисским, и они были большие друзья. Наутро после приезда Кокарекин вышел из дома, а в это время во дворе Нисский делал профилактику своему «Москвичу». Они уже были готовы по старой привычке обняться и расцеловаться, но у Жоры руки были в нигроле, и они лишь договорившись увиделись вечером.

Днем Кокарекина увезли в больницу, откуда он уже не вышел. Несколько человек все же заразились.

Жора очень переживал эту потерю и то, что его самого спасла только невероятная случайность. Некоторое время он, говорят, даже очень попивал, а когда вернулся к картинам, это был уже совсем другой художник.

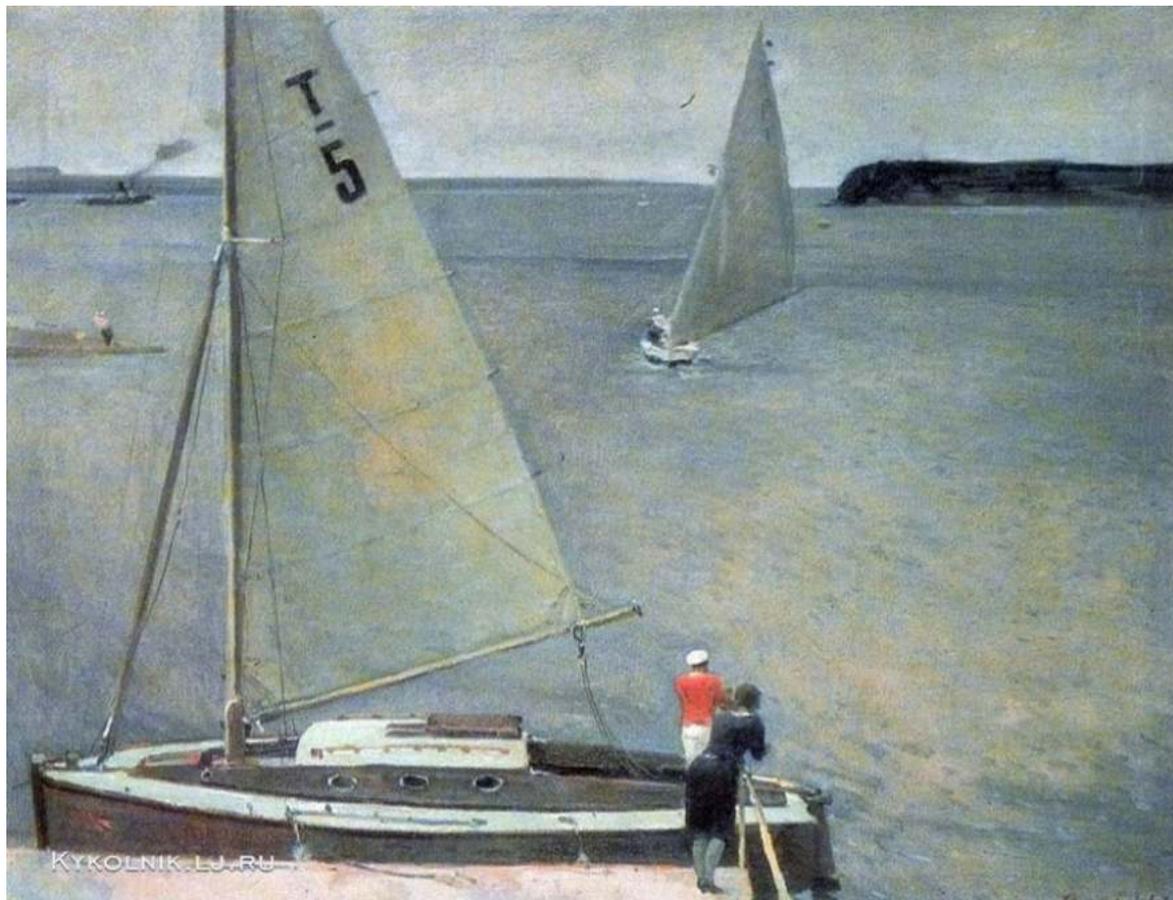
Его картины стали более стилизованы, в них как бы появилось дыхание чего-то космического.

Картина «Утро Родины» принадлежала уже Нисскому полностью другого стиля и сюжетов. Она изображает реактивный пассажирский самолет на фоне высотного небесного пейзажа. Однажды вместе со Зворыкиным я побывал на его выставке на Кузнецком Мосту и там стал свидетелем фантастического зрелища.

У Нисского было заготовлены акварельные картинки величиной в почтовую открытку.

Возможно, их написали его ученики. Они изображали морской пейзаж с берегом и кустами на переднем плане. Нисский раздавал их знакомым как автографы, но перед этим делал несколько мазков кистью, подбярчал прутья кустов и камешки на переднем плане, ставил птичек над водой.

И на ваших глазах происходило чудо: пейзаж приобретал объемность, уходил вдаль.

Нисский Г.Г. «На Пестовском плесе» (1947г.)

Нисский Г.Г. «Кайра и Нерпа» (1954г.)